

Гости уже прибыли, и один за другим поднимались на сцену, чтобы продемонстрировать своё искусство. Ли Жолю, несмотря на уговоры Цянь Вэньхана, всё же вышел на сцену, чтобы сыграть на циге.

Пальцы Ли Жолю были ранены, и хотя он изо всех сил старался играть плавно, исполнение получилось заурядным. Именинница Чжан Янь-эр первой выказала недовольство.

— Жун Жо, сегодня мой день рождения, а ты с такой игрой на циге просто позоришь мой Дом Чжан!

Я потратила столько денег, и вот это?! Ты же обещал непревзойденное мастерство, и вот это?!

Ли Жолю поднялся и виновато произнес:

— Простите, госпожа Чжан, это Жун Жо играет плохо. В искупление своей вины Жун Жо специально нарисовал для госпожи картину.

На картине была изображена танцующая красавица — живая, изящная и поразительно прекрасная. А каллиграфическая надпись и вовсе дышала поистине грандиозным размахом.

Увидев картину, Чжан Янь-эр в тот же миг запрыгала от злости:

— Жун Жо, ты сделал это нарочно! Ты специально пытаешься испортить мой банкет в честь дня рождения!

Ли Жолю с самым невинным видом ответил:

— Госпожа Чжан, Жун Жо не понимает, в чем именно я ошибся?

У Ли Жолю было лицо, в котором стиралась грань между мужской и женской красотой, и когда Чжан Янь-эр увидела этот хрупкий, беззащитный и вызывающий жалость вид, у нее едва не разорвалось сердце от обиды.

— Дерзко! Смеешь насмехаться надо мной? Эй, стража!

На сцену поднялись слуги. Ли Жолю от испуга побледнел, глаза наполнились слезами, и он невольно посмотрел на Цянь Вэньхана.

— Госпожа Чжан, что за манеры? Ел... Жун Жо ведь даже с ранеными пальцами через боль завершил выступление! Пусть оно не выдающееся, но и ошибки в этом нет! А в знак извинений он создал столь потрясающее по своей красоте полотно. К тому же он ученик самого мастера Чу, а вы вместо благодарности проявляете такую агрессию — разве так подобает вести себя благородной девице из знатной семьи?

Цянь Вэньхань на глазах у всех заступился за Ли Жолю, совершенно забыв, что находится в Доме Чжан, и ни капли не заметив странных выражений на лицах окружающих.

Семьи Цянь и Чжан как раз обсуждали предстоящую свадьбу, и Чжан Янь-эр знала, что Цянь Вэньхань — ее будущий муж. Сначала, видя, что он красив и талантлив, она втайне радовалась, но никак не ожидала, что сегодня он станет отчитывать ее при таком количестве посторонних.

Во всем Восточном Городе не было никого, кто не знал бы, что Чжан Янь-эр обожает цици, но при этом совершенно не владеет ни музыкой, ни шахматами, ни каллиграфией, ни живописью, а ее рисунки и вовсе были жалки зрелищем.

Чжан Янь-эр потеряла лицо и уже собиралась вспыхнуть.

— Янь-эр!

— Вэньхань!

Они воскликнули одновременно.

— Господин цензор!

— Господин министр!

Великий цензор Чжан Чжэн и министр чинов Цянь Юань одновременно появились в дверях. Услышав их голоса, все присутствующие повернулись к выходу и почтительно поклонились.

С вмешательством двух влиятельных глав семей буря утихла сама собой.

После такого инцидента праздничный банкет завершился задолго до полуночи, однако люди наперебой стали проявлять еще больше любопытства к Ли Жолю, и те, кому было положено, не преминули навести справки о его прошлом.

— Молодой господин, прошло уже три дня, а этот Цянь Вэньхань действительно придет?

Нельзя было винить Хунсю за беспокойство: после дня рождения Цянь Вэньхань безвылазно сидел в своем поместье, никуда не выходя. Говорили, что туда то и дело наведывались лекари — судя по всему, его сурово наказали.

— Ничего страшного, сегодня ночью просто навестим его, заодно преподнесем ему кое-что ценное!

С этими словами он достал шкафчик из сандалового дерева и принялся лепить благовонные

палочки-башенки.

Хунсю заглянула в корочку с порошком, принялась, но ничего не почувствовала. Недоумевая, она спросила:

— Молодой господин, это благовоние?

Ли Жолю лукаво улыбнулся:

— Хунсю, когда зажжешь его, ни в коем случае сама не вдыхай.

— Почему?

— Будешь видеть сны. Сны, которые приносят радость.

— Ох...

Хунсю кивнула, поняв всё лишь наполовину.

Черная одежда Ли Жолю походила на извивающегося дракона, когда он бесшумно скользил по Резиденции министра чинов.

Он безошибочно отыскал гостевой покой Цянь Вэньхяня.

Стоило переступить порог, как в нос ударил густой запах крови.

И впрямь, Цянь Вэньхань лежал ничком на кровати, тяжело отдуваясь, а его спина пестрела кровавыми рубцами, сквозь которые сочились капли крови.

Истинный министр чинов, удар рассчитал на совесть! Впрочем, выглядело это страшнее, чем было на самом деле — всего лишь поверхностные раны кожи и мяса.

Ли Жолю спрятался за ширмой и уже собирался положить благовоние в вазу на столике у стены, как из-за двери послышались шаги.

В следующую секунду дверь распахнулась от мощного пинка.

С высокомерным видом вошла Чжан Янь-эр, неся в руках поднос, и принялась смазывать раны Цянь Вэньхяня, попутно отпуская колкости:

— Ой! А министр-то отец пожалуй себя не заставил, удар страшной силы! Как-никак родной сын.

Чжан Янь-эр надавила слишком сильно, и Цянь Вэньхань завопил от боли, моля о пощаде:

— Батюшки-светы, потише, потише же, хватит меня убивать!

— Кто просил тебя позорить меня при всех? Если еще раз повторится...

Цянь Вэньхань торопливо перехватил озорную руку Чжан Янь-эр и горячо поклялся:

— Больше не буду, клянусь, никогда больше! Янь-эр, не держи зла, я просто сболтнул лишнего в порыве. Ты только посмотри на мои раны, считай, что наказание я уже понес. Прости меня, пожалуйста, хорошо?

Будучи ее возлюбленным женихом, он сейчас покрылся холодным потом, и сердце девушки все же сжалось от жалости.

К тому же этот Жун Жо всего лишь мужчина, и даже если он хорош собой, ей вовсе ни к чему принимать его всерьез.

Семьи все равно не разорвут помолвку, а отец перед уходом тысячу раз наказывал ей непременно наладить со всеми хорошие отношения.

Глядя, как Цянь Вэньхань нежно сжимает ее ладонь, а в его глазах отражается лишь она одна, Чжан Янь-эр почувствовала, как сладкое предвкушение смыло все остатки недавней обиды.

Хотя Цянь Вэньхань и испытывал внутреннее презрение, видя кокетливый вид Чжан Янь-эр, он наконец тяжело выдохнул с облегчением.

Ли Жолю мысленно усмехнулся: поистине мастерски всё устроил почтенный министр Цянь — всего одна порция побоев вернула лицо обоим семействам.

Наблюдая за воркующей парочкой, Ли Жолю презрительно хмыкнул.

Раз уж вы такая идеальная пара, то я преподнесу вам подарок.

По мере того как благовонная башенка тлела в комнате, оба погрузились в сладкий дурман.

Ли Жолю склонился над кроватью и надавил на раны на спине Цянь Вэньханя, вложив всю силу. Хлынула свежая кровь, но тот не почувствовал никакой боли.

— Вэньхань...

В глазах Цянь Вэньханя затуманилось, и, услышав зов, он неуверенно переспросил:

— Жо-эр? Это ты, Жо-эр.

— Вэньхань, почему ты не приходил за мной?

— Жо-эр, я так хотел отыскать тебя, но меня не выпускали.

Цянь Вэньхань попытался обнять Ли Жолю, но тот крутанулся на месте, подтянул Чжан Янь-эр и вбросил ее прямо в объятия мужчины. Цянь Вэньхань крепко прижал ее к себе, продолжая бредить в беспамятстве:

— Цянь Вэньхань, ты мне нравишься как муж, ты не смеешь на меня сердиться, я ведь люблю тебя...

Охваченные страстью, они повалились на ложе, и от резких движений швы на спине разошлись, обогрив постель кровью.

Слушая, как они несут каждый свое на супружеском ложе, Ли Жолю тщательно вытирал пальцы, поблескивавшие в полумраке холодным светом.

Интересно, называется ли это спать в одной постели, но видеть разные сны.

— Молодой господин, семьи Цянь и Чжан официально объявили о помолвке.

Слухи с самого утра разнеслись по всем переулкам и улицам.

Ли Жолю вывел последнюю черту, положил кисть на подставку, поднял картину и слегка подул на нее.

— Их свадьба и так была решенным делом, я лишь немного ускорил события.

Раздался стук в дверь:

— Кто там? — окликнула Хунсю из-за двери.

— Жун... молодой господин, люди из... из семьи Цянь пришли, бегите скорее!

Хунсю отворила дверь, но увидела лишь шуплую фигурку, которая со всех ног неслась вниз по лестнице.

Ли Жолю приоткрыл створку окна и действительно заметил вдали двух рослых мужчин с суровыми, убийственными лицами, направлявшихся к постоялому двору. Хотя они переоделись, судя по сапогам, это были люди семьи Цянь.

В глазах Ли Жолю вспыхнул озорной огонек. Он свернул картину, сорвал с пояса нефритовый подвес и протянул все Хунсю:

— Хунсю, возьми это и отправляйся к Цянь Вэньханю. Скажи ему... вещь возвращается законному владельцу.

— Слушаюсь.

Стоило Хунсю выскользнуть через черный ход, как стражники семьи Цянь вошли на постоянный двор.

— Молодой господин Жун, наш господин восхищен вашими талантами и просит вас пожаловать в его резиденцию, чтобы усовершенствовать мастерство игры на циге и живописи.

Перед ним стояли два крепких телохранителя: их тон звучал почтительно, но взгляды разили ледяным холодом.

Краем глаза проводив взглядом убегающую Хунсю, Ли Жолю огладил рукав и спокойно ответил:

— Вот как? Но моя служанка еще не вернулась, я бы хотел немного подождать ее.

Один из стражников сурово отчеканил:

— Не беспокойтесь, молодой господин, вскоре ее доставят к вам.

Ли Жолю больше не возражал и послушно кивнул:

— Что ж, тогда не смею задерживать, благодарю за хлопоты.

<http://bllate.org/book/21905/2275644>